

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

Художник Юрий МАКАРОВ

ОПАСНАЯ ИГРУШКА

Я купил его сыну на день рождения. Фея взмахнула волшебной палочкой, и робот-автомат принес светящийся изнутри перламутровым светом саркофаг-коробку, в котором он спал бестревожным перламутровым сном. Тогда она мило улыбнулась мне и произнесла:

— Мне кажется, что ты будешь доволен им.

Я кивнул и, в свою очередь, улыбнулся ей.

— Ты пришел к нам один, без сына, поэтому я не стану рассказывать, что мишку нельзя обижать, нельзя выкручивать ему лапы, выковыривать фотоэлементы и вырывать конденсаторы, не забудь передать это сыну.

— Не забуду, — заверил я ее. — Я постараюсь относиться к нему, как к собственному ребенку.

— В таком случае мне очень приятно, что мой воспитанник приобрел себе заботливого отца. Тебе надо будет только переделать его программу так, чтобы он называл тебя папой.

Теперь мы оба засмеялись, и мне пришло в голову, что кто-то очень хорошо знает свое дело, если принимает на работу в Дома сказок таких очаровательных фей. Она взмахнула на прощание волшебной палочкой, и я оказался на бесшумно скользящей к выходу движущейся дорожке. Толпа маленьких детей, до этого момента окружавшая меня и с завистью рассматривавшая мишку в коробке, со смехом рассыпалась и перекочевала к большому видеотрону, на экране которого был изображен полосатый диск Юпитера. Он висел неподвижно и, как видно, был нужен только для того, чтобы мужской голос рассказывал зрителям, как Томек-космонавт преодолевает верхние слои его атмосферы. На другой стороне экрана в лучах видеотронного солнца переливалась видеотронная гора из стекла. Она тянулась вверх на тысячи метров и имела идеально ровную поверхность, по которой, напоминая ползущую по оконному стеклу муху, без видимых усилий взбирался принц в скафандре инопланетянина. За горой темнел дремучий лес, взятый взаймы у «эры дымящихся фабрик». Между пнями, поросшими пушистым мхом, деловито сновали электронные гномики с красными светящимися колпаками. На окраине леса, возле избушки бабы-яги, стоял автомат, в обязанности которого входило отвечать на все вопросы детей, как видно, уже имеющих немало неразрешенных проблем. Если бы существовал такой же автомат для взрослых, можно представить, какая очередь создалась бы вокруг него...

Я вышел. Внушительных размеров андруд¹ в доспехах средневекового рыцаря вежливо попрощался со мной при выходе, напоследок поинтересовавшись, не оставил ли я в Доме сказок своего ребенка. Он, видимо, не привык иметь дело со взрослыми, навещающими сюда без детей. Нет, я не потерял своего ребенка. Мой сын на этот раз остался дома. В эту минуту он скорее всего сидел перед видеотроном, следя за перемещающ-

¹ Андруд — автомат, напоминающий по форме человеческую фигуру.

мися по экрану изображениями. Это было его обычным после-полуденным времяпрепровождением. Мне кажется, что правы те психологи, которые не советуют забирать детей в определенном возрасте с Земли. Мой сын прилетел на Марс слишком рано или слишком поздно. На Земле остались его друзья, с которыми он играл в космонавтов, приспособившая окрестные холмы под необследованную территорию таинственной планеты; остались наш сад, где он знал каждый куст, и дом с раздвижными стенами, источающий аромат сандалового дерева. На Марсе дети были совсем другими, они предпочитали автоматы путешествию босиком по траве. Поэтому я и купил ему электронного мишку.

— Мы назовем его... ну, скажи, как его можно назвать? — спросил он меня, когда мы открыли коробку, извлекли из нее инструкции и добрались до места, в котором было написано: «Перед тем как привести мишку в движение, ему необходимо выбрать имя, которое и будет навсегда закреплено в свободных клетках его программы».

— Ну так как? — повторил он, когда я не ответил.

— Может быть, Катион? — предложил я.

Он раздумывал с минуту.

— Нет, такое имя подходит живой собаке, но не мишке. Его имя должно быть обычным.

— Тогда придумай сам что-нибудь.

— Это мог бы быть Боб... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Превосходно, пусть это будет Боб.

Я нащупал спрятанную в шубке кнопку питания, и когда темные глаза мишки вспыхнули зеленым светом, произнес:

— Тебя зовут Боб. Встань!

Словно подброшенный незидимой пружиной, мишка выскочил из коробки. Небольшая, с метр ростом фигурка, забавная мордочка с рыжевато-бурым волосом... Он встал, осмотрелся, а потом снова нырнул в коробку, достал из нее щетку и принялся расчесывать свою взлохмаченную шерсть. Покончив с этим занятием, он, слегка заикаясь, обратился к сыну:

— Я т-теперь твой мишка?

— Да.

— А это кто? — он показал лапой на меня.

— Мой папа.

— Эт-то хорошо.

— Послушай, — предложил я сыну, — может, обменяем его на другого. Посмотри, он ведь сильно заикается.

— Совсем немножко и только иногда, когда меня слишком долго не включают. У других мишек дефекты намного серьезнее. Я знал одного мишку, у которого на лапе было напряжение более ста вольт, — неудачная конструкция, и он всем старался подавать лапу.

— Ну что, обменяем?

— Не соглашайся. Я умею играть в мячи и решать задачи по математике. Кроме того, я могу подражать голосам и р-разобрать видеотрон.

— Ну так как?

— Пусть остается этот.

— Сразу видно, что ты славный мальчик. Я буду тебе хорошим мишкой. Ты скоро убедишься в этом.

Так мишка остался у нас. Это был удивительный автомат. Не раз меня приводила в недоумение загадочная прихоть неизвестного конструктора, вмонтировавшего в детскую игрушку такую гибкую и сложную систему.

В том, что это был не обыкновенный стандартный автомат из тех, что производятся серийно для игр с детьми, я был совершенно уверен с самых первых дней. Мишка проявлял некоторые черты человеческого характера, доступные только наиболее совершенным автоматам. Например, он был ленивым. Разумеется, он повиновался любой команде, исходящей от нас, но при этом старался выполнить ее таким образом, чтобы потратить как можно меньше времени, избегая ненужной суеты, так свойственной большинству автоматов. После того как он совершал требуемое действие, он мог часами оставаться в неподвижности. По прошествии некоторого времени я обнаружил, что он в определенном смысле привязан ко мне и всегда готов оторваться от меланхолического созерцания своих мохнатых лап, чтобы сопровождать меня, когда я поднимался из-за стола и направлялся к пультам управления вспомогательными мнемотронами.

Однажды под вечер я сидел в своем кабинете и бился над разрешением проблемы управляемых полигравитационных полей. Мишка, как всегда, когда сын уже спал, составлял мне компанию, забравшись в угол и сидя там неподвижно. Время утекало час за часом, однако, несмотря на это, я почти не продвигался вперед. Пульт управления уже несколько раз напоминал мне, что память перегружена, недвусмысленно давая понять, что задачу необходимо решать с помощью мнемотрона большей емкости. Склонившись над экранами, я почти не обращал внимания на то, что делается в кабинете. Неожиданно я услышал характерное покашливание и поднял голову. Передо мной стоял мишка.

— Ты все еще не спишь, Боб?

— Я редко сплю.

— Как это понимать, ведь у тебя в программе предусмотрено чередование сна и бодрствования?

— Да, но программа не должна быть для меня неизменной. Я могу ее регулировать.

— А что ты делаешь по ночам?

— Думаю, решаю задачи...

— Может быть, ты доказал теорему Пифагора?

— Нет, но я нашел решение твоей задачи с управляемыми полигравитационными полями.

— Ты шутишь?

— Н-нет, н-на самом деле. Вот результат.

На простейшем функциографе, который он держал в лапе, были написаны какие-то вычисления. В первый момент я хотел вытолкнуть его из кабинета. Я бьюсь над сложнейшей задачей в течение нескольких часов без какого-либо результата, как вдруг заявляется самопадеющая детская игрушка и выписывает из своего маленького мозжечка готовое решение. Тем не менее я сдержался. Ведь это был всего-навсего автомат, к тому же мишка моего сына.

— Спасибо, — коротко сказал я. — А теперь иди в комнату. Я отложил функциограф в сторону и вернулся к задаче. Результат получил только под утро, когда большой купол марсианской базы уже белел в первых лучах восходящего солнца. Результат был идентичен решению мишки.

— Боб, Боб! — позвал я.

Он появился через минуту, передвигаясь своей неторопливой походкой.

— Как тебе удалось это решить? — спросил я. — Ведь эта задача под силу только мозгу с большим запасом памяти.

Он молчал.

— Отвечай! — приказал я.

Безусловное повиновение человеческой воле было основополагающим началом заложенной в нем программы.

— Такой мозг сконструирован в строгом соответствии с принципом поливариантного процесса мышления. Соответственно его емкость мышления значительно шире, чем у аналогичных автоматов других конструкций.

Я застыл в изумлении, потому что хриплый низкий голос, который произносил эти слова, нисколько не походил на обычный заикающийся слог мишки.

— Что ты сказал? — только через минуту спросил я его шепотом.

— Я н-ничего не говорил, — теперь мишка заикался, как обычно.

— То есть как ничего? Повтори!

— Я н-ничего не говорил.

— Нет, не это. Что ты сказал перед этим?

— Н-не понимаю.

Это было похоже на правду. Голос существовал за границами его сознания. Он не знал о нем ничего. Слова, которые он произнес, были скорее похожи на цитату из руководства по прикладной кибернетике. Какой-то бред про поливариантное мышление. Я подошел к видеофону и набрал номер Тана, одного из моих коллег-кибернетиков. Он специализировался на теории неорганического мышления и должен был знать об этом больше.

— Тан, это Андрей. Скажи мне, пожалуйста, ты слышал что-нибудь о поливариантном мышлении?

Приветливая улыбка сошла с лица кибернетика. Только в этот момент я заметил, что Тан сонный и небритый. По всей видимости, я вытащил его из постели. Тем не менее он нашел в себе силы доброжелательно улыбнуться мне. Тан был известен своей вежливостью, и сейчас я на собственном опыте убедился в этом.

— К сожалению, Андрей, я затрудняюсь припомнить что-нибудь подобное. Откуда ты вообще взял это название?

— Я услышал его от автомата.

— Это, наверное, какой-нибудь автомат для кибернетического программирования? Тогда спроси у него ответ на этот вопрос.

— Нет, это не кибернетический автомат.

— А что же в таком случае?

— Мишка моего сына.

— Но это невозможно. Ведь это совершенно примитивный автомат.

— Я сам в недоумении, Тан.

— Андрей, — произнес Тан после минутной паузы, — а может, ты слишком много работаешь в последнее время? Люди уже просыпаются, а ты до сих пор еще не ложишься.

— Послушай, Тан. Я говорю серьезно. Жаль, что ты не веришь.

— В это трудно поверить. Но я все равно попробую разыскать что-нибудь о поливариантном мышлении в главном каталоге кибернетической информации. Если удастся, я немедленно дам тебе знать.

— Спасибо, Тан.

Я повернулся к столу, но мишки в кабинете уже не было. Он сидел перед дверью детской комнаты и так безмятежно спал, как будто ничем другим в эту ночь и не занимался.

Время шло, и я почти забыл эту историю. Мишка не подавал поводов к упрекам. Самым удивительным было то, что и товарищи моего сына относились к нему без оттенка пренебрежительного превосходства, как к другим автоматам. С поразительной быстротой он решал все их школьные задачи, и мне пришлось категорически запретить ему это. Потом мишка проявил себя астрономом, и они с сыном долгие часы просиживали у радиотелескопа. В любое время дня и ночи он мог без запинок назвать точные сферические координаты всех звезд. Но меня особенно поражала невероятная целенаправленность действий мишки. Если он шевелил левой лапой, можно было быть уверенным, что скоро ею ему придется что-то делать.

Шла всего вторая неделя пребывания мишки в нашем доме, когда я вдруг заметил на функциографе сына несколько вычерченных эллипсов с ручными эксцентриситетами и одним общим фокусом. Заинтересовавшись невиданной фигурой, я спросил у сына:

— Что ты начертил здесь?

— Это не я, а Боб.

— Но что это такое?

— Гипотетическая планетная система Формальхauta-альфа со звездой Летающей Рыбы.

— Откуда он это знает?

— Боб все знает! — ответил он мне с такой уверенностью, которой я не мог не поразиться.

— Я бы на твоём месте не торопился принимать на веру рассказы мишки, которых у него в памяти наверняка не один десяток. Все мишки должны что-нибудь рассказывать детям. Но это не значит, что такой взрослый мальчик, как ты, должен верить любой сказке, которую они рассказывают.

— Не верь, если ты не хочешь, но это совсем не сказка, — упрямо возразил он.

— Ты думаешь, что это соответствует истинному положению вещей?

— Нет, это только гипотеза Гладстона. — Он посмотрел на меня так серьезно, как может смотреть на старого профессора молодой научный работник.

— Кто тебе это сказал?

— Боб.

— Боб! — позвал я громко.

Он появился через минуту.

— Это действительно планетная система Формальхauta?

— Так утверждает Гладстон в своей гипотезе. Свое предположение он основывает на характерном смещении полос гравитационного спектра этой звезды.

— Боб, — спросил я тихо, — откуда ты все это знаешь?

— Я обладаю определенными знаниями в этой области, оставленными мне для популяризации космологии.

— Кем оставленными?

— Оставленными в моей программе.

— В каких пределах ты знаешь космологию?

— В рамках начального курса, как минимум.

Под впечатлением этого разговора я сочинил телеписьмо с благодарностью Дому сказок. Ответ я получил в тот же день. Дом сказок выражал свое удовлетворение тем, что у меня нет причин для недовольства электронным мишкой и что благодаря моим стараниям он смог подняться до такого высокого и нехарактерного для других автоматов уровня реализации интеллектуального потенциала. При этом меня просили сообщить поподробнее все кибернетические операции, которым я подверг мишку, чтобы добиться максимальной степени реализации при относительно небольшом объеме памяти.

Так стало ясно, что ни я, ни Дом сказок не могли считать себя виновниками в появлении уникального мишки. Но так как гении среди автоматов, так же как и гении среди людей, не являются сами собой, Дом сказок направил запрос на Землю, чтобы она проверила, откуда и каким образом появляются на свет электронные мишки. Ответ должен был поступить через несколько месяцев. Не так просто отыскать в многомиллиардной массе жителей Земли тех, кто имел непосредственное отношение к электронному мишке, появившемуся несколько месяцев назад на Марсе.

Потом по видеотрону попросил о встрече Тан, и мы условились на полдень. Он, как всегда, пришел вовремя. Мы прошли в комнату сына. Они с мишкой оживленно обсуждали последнюю серию какого-то космического видеопутешествия, в которой сбросивший скорость корабль уже переходил с параболической орбиты на эллиптическую. Тан некоторое время с интересом прислушивался к их разговору. Потом шепотом спросил у меня:

— Как его зовут?

— Кого, сына?

— Нет, автомат.

— Боб.

Он слушал еще минуту, не прерывая разговора, потом неожиданно позвал:

— Боб, иди сюда!

Автомат повиновался без промедления.

— Что такое эллипс? — спросил Тан.

Боб, не задумываясь, отчеканил определение.

— А я не понимаю. Объясни мне.

Боб принялся терпеливо объяснять, как нерадивому ученику объясняют простое задание. Тан оборвал его:

— Ты считаешь, что достижение других галактик на звездолетах возможно?

Автомат с минуту колебался, но все же ответил:

— Я не знаю. Мне необходимы все данные, чтобы сделать точные расчеты.

За этим вопросом посыпались другие. Это продолжалось так долго, что даже мой сын не выдержал и спросил у меня:

— Когда он уйдет, чтобы мы с Бобом закончили расчет?

Тан ответил моему сыну улыбкой и задал последний вопрос:

— У тебя есть рефлекс погиновения?

— Нет, — ответил мишка.

— Хорошо, ты можешь вернуться к своим расчетам. А мы, — он посмотрел на меня, — пойдем в кабинет.

— Пока это только мое предположение, — сказал он в кабинете. — Мне кажется, что мозг мишки был забракован после психического контроля системы как возбудитель нестабильности поведения и отправлен на склад. Там в него, судя по всему, смонтировали большое количество стабилизирующих элементов, ограничивая его возможности и одновременно увеличивая устойчивость.

Тан говорил так, будто сам лично присутствовал при сборке автомата.

— Помнишь, я задал ему вопрос о возможности достижения других галактик? Каждый нормальный мишка ответил бы в строгом соответствии со стереотипными программами, что это возможно, однако этот мишка потребовал данные для расчетов. Мне кажется, что он не всегда рассказывал сказки.

Я не стал вызывать кибернетический автомат и не разобрал мишку на части. Я вполне мог сделать это, если бы не представил себе недоуменный взгляд диспетчера: «Ты вызываешь автомат для ремонта детской игрушки? Неужели ты думаешь, что нам больше нечем заниматься?»

Я бы, конечно, стал объяснять ему, что речь идет совсем не о ремонте, что наш мишка особенный и слишком превосходит другие бытовые автоматы, чтобы быть простой игрушкой, но я сомневался, что это добавит диспетчеру веры. Во всяком случае, я ничего не предпринял.

Тем временем мой сын и мишка превратились в неразлучную пару, проводя время либо в обсерватории, либо в пустыне за базой, где в марсианских камнях кристаллы кварца блестели точно так же, как в земных из моего детства.

Где-то под конец марсианской зимы, когда холмы на горизонте потемнели от пробивающейся растительности, контроль радиосвязи Марса зарегистрировал перехват серии сигналов, которые, судя по пеленгу, передавались с нашей базы.

Ремо, руководитель секции связи с Землей, вызвал нас к себе. Я отнеслся к этой секции, поскольку исполнял обязанности главного инженера второй смены.

— Это вздор, — сказал Ремо. — Кому и зачем понадобилось передавать что-то в космос? Они, как всегда, неточно запеленговали сигналы с ракет и теперь ищут виновного. Вы же знаете, как они там работают... Я понимаю, что им нужно показать результаты деятельности своего отделения, но зачем вмешивать в это нас?..

— Рапорт указывает точное время и подписан самим Тве-ром...

— Они ввели его в заблуждение. Попросту обманули. Этой банде, которая прилетела с Земли сразу после окончания института, все еще кажется, что Марс — таинственная планета, на которой происходит только то, чего не может происходить на Земле. Мы все прошли через это.

Никто не возражал, потому что Ремо прожил на Марсе столько лет, сколько все остальные, вместе взятые. Ответ на запрос подготовил наш стажер. Он не содержал ничего обидного для авторов запроса, однако намеки на то, чтобы нас оставили в покое, получился достаточно выразительным.

В течение нескольких дней после этого ничего не случилось, пока не пришла информация с Земли. Радиоконтроль Марса после нашего ответа переслал запись сигналов в Межпланетный институт шифров. Текст послания не отличался пространностью и содержал в себе всего три слова: «Трансфер реализован частично», зато сам шифр был настолько сложным, что институт одновременно с расшифровкой прислал благодарность за интересную и впервые встретившуюся в его практике систему шифра.

На втором собрании Ремо продолжал настаивать на своем мнении, однако теперь он был не так уверен в себе. После собрания он вызвал меня в кабинет.

— Видишь ли, Андрей, я в это не верю, но меньше всего хочу, чтобы кто-нибудь мог упрекнуть меня в легкомысленном отношении к делу. Как убедить их, что сигналы исходят не от нас?

— У меня есть мысль... — начал я и замолчал, потому что как раз в этот момент в дверях кабинета появился мишка.

— С-сын ищет тебя, — сказал он, заикаясь, как обычно.

— Сейчас иду, — ответил я и вдруг заметил удивленный взгляд Ремо. — Что с тобой? — спросил я его.

— Не понимаю... ума не приложу, как входной автомат пропустил эту игрушку?

Замечание было простым, но неожиданным. Я уже привык к постоянному присутствию мишки и не обратил на это внимания. Но Ремо был прав. Входной автомат его кабинета не должен пропускать ни человека, ни автомат без специального разрешения.

— Как ты сюда прошел? — спросил он мишку.

— Обыкновенно. На двух лапах, — ответил Боб.

Ремо покраснел и вышел из кабинета.

— Что случилось? — спросил я.

— Сын обжег руку током высокой частоты.

— Что-нибудь серьезное? Проводи меня.

— Ничего страшного. Можешь закончить разговор.

— Как это произошло?

Мишка не успел ответить, потому что в кабинет вернулся Ремо. Он был бледен.

— Автомат... автомат получил разрешение на пропуск этой игрушки. От кого?

— Во всяком случае, не от меня, — сказал я.

— Тогда от кого? Может, ты знаешь?

— Я вошел... и все.

— Это я вижу. Но откуда...

— Ремо, ведь это обыкновенная игрушка. Он не может это-

го знать. Наверное, опять какое-нибудь замыкание в центральном мозге базы. Это может случиться.

— Но не должно.

— Согласен с тобой, но ведь автоматы ненадежны.

— Они не должны быть такими!

— Разумеется. Однако давай закончим наш разговор. Я должен идти, сын обжег себе руку током.

— Ты что-то предлагаешь?

— Я смонтирую у себя в кабинете автономную сигнализацию, реагирующую на передачу сигналов внутри базы.

— Пожалуй, неплохая идея. И все равно я не верю, что сигналы повторятся.

Мы с мишкой вышли и отправились к сыну. Автомат первичной помощи уже осмотрел его руку. Сын даже не посмотрел в мою сторону, когда я подошел к его креслу.

— Где ты обжег руку? — спросил я.

— Не скажу.

Он упорно избегал смотреть мне в глаза.

— Пойми, надо обязательно устранить дефект. Иначе он может причинить неприятности многим.

— Не скажу, — упрямо повторил он.

— Как хочешь. Тогда ты, Боб, расскажи, где это случилось?

— Не знаю, — ответил Боб, и в этот момент я перехватил взгляд сына. Во взгляде, который он устремил на Боба, кроме удивления, можно было обнаружить нечто похожее на страх.

Оборудование приема внутренних сигналов базы я установил сразу в двух местах: один комплект в кабинете, другой — возле пульта мнемотронов. Оборудование было несложным, его установка не представляла особых трудностей, но работать с мнемотронами, одновременно прислушиваясь к сигналам из кабинета, было по меньшей мере неудобно. Позже в видеотроном мне сказали, что мной руководила изощренная интуиция опытного инженера, не привыкшего доверять автоматам. Но это, пожалуй, было уже преувеличением.

Было далеко за полночь. Я сидел в своем кабинете, склонившись над очередными диаграммами, когда мое внимание привлек посторонний шум, доносившийся из зала мнемотронов. Я прислушался. Сомнений быть не могло: заработала установленная мной система сигнализации.

Когда я уже бежал по коридору к центру трансляции сигналов базы, вдруг вспомнил, что оборудование, установленное в моем кабинете, не сработало. В первый момент я подумал, что в спешке неправильно смонтировал его, и разозлился на себя, потому что не переносишь неаккуратности в работе.

Дежурный андруд центра пропустил меня, когда я произнес пароль. Я подумал, что тот, кто вошел сюда раньше меня, должен был знать его и, следовательно, принадлежал к персоналу базы. Я бежал теперь по коридору к залу трансляции, но его двери отказались пропустить меня. Я дернул рычаг — безрезультатно. Двери были заблокированы, заблокированы из центра управления базой. Я понял, что мой противник, который находился там, внутри, и с помощью нашей антенны передавал сигналы в космос, имел доступ к центральному мозгу базы. Это было опасно.

Я побежал назад по коридору к входным дверям, открыл их и заблокировал таким образом, чтобы их было невозможно запереть по команде из координирующих систем базы. Потом посмотрел на андруада. Я подумал, что в моем распоряжении должен остаться хотя бы один автомат, подскочил к нему и вырвал усики приема центральных сигналов. Он дернулся, но не решился напасть на меня, потому что я был человеком. Затем попытался связаться по видеотрону с Ремо, но связи уже не было. Центральный мозг базы заблокировал и информационные каналы. Я ожидал этого. Теперь мне оставалось только сделать то, что инструкция предусматривала для крайних случаев, когда опасности подвергалась жизнь обитателей базы. Я дернул на себя рычаг чрезвычайной тревоги. Стальная нить, скрепленная plombой и поддерживающая его, натянулась, но выдержала мое усилие. Тогда я навалился на рычаг всей тяжестью тела. Нить наконец лопнула, поцарапав мне руку. Почти одновременно я услышал нарастающее завывание. Вой сирены сопровождался еще одним характерным звуком: по наружному коридору к центру трансляции приближались автоматы. Они не могли причинить мне вреда, однако могли вывести из строя мое оборудование и единственный андруад. Могли... если получали команды из центрального мозга базы.

У меня не было с собой оружия: на базе никто не носит оружия. Я вырвал из рук андруада газовый резак, запер двери и заблокировал их, чтобы помешать автоматам беспрепятственно проникнуть в центр, и вместе с андруадом побежал по коридору к залу трансляции. Двери открылись. Мне это показалось подозрительным.

— Иди! — приказал я андруаду.

Автомат повиновался моим словам без колебаний. Он сделал шаг в дверной проем. Сверху на него упал черный провод. Я увидел вспышку-разряд, после которого андруад превратился в неподвижную груду металлолома.

Провод закачался. Я не стал дожидаться, пока он снова заползет наверх, высунулся из-за двери и нажал на кнопку включения резака. Послышался пронзительный скрежет. Это был... мишка, наш мишка. Он упал на пол, хотел встать, но я продолжал направлять огонь на него до тех пор, пока панцирь не лопнул с тихим треском и игрушка не стала неподвижной. Только бурая шерсть на смешной и симпатичной мордочке продолжала гореть.

И вдруг я увидел сына. Он сидел на полу бледный и несчастный.

— Мы с ним только играли... — прошептал он.

Центральный мозг базы был открыт. Мы увидели причудливое сплетение проводов и мозаику серых, неправильной формы кристаллов.

— Это здесь, — сказал Тап.

В руке он держал небольшой плазменный нож. На конце ножа порхало голубое пламя. Описывая пожом небольшие полуокружности, он протянул другую руку к проводам и достал два кристалла, на вид ничем не отличавшихся от остальных.

— Готово, — сказал он. — Нам повезло, что мы успели.
— Ты полагаешь, что они могли угрожать всей базе?
— Теоретически это вполне возможно. Ведь центральный мозг управляет почти всеми системами базы.

— Но как эта игрушка...
— Прежде всего зачем? Кому все это предназначалось? А сама игрушка, кстати, один из самых сложных автоматов, с которыми мне приходилось встречаться. Стоит принять во внимание сравнительно небольшой объем автомата по сравнению с объемом, который использовался только для хранения кристаллов до установки их в центральном мозге базы. — Он показал рукой на разбросанные на полу бесформенные серые куски.

— Ты думаешь, что эти кристаллы были спрятаны внутри мишки?

— Я проверил это. Первое сообщение было передано после того, как был установлен первый кристалл.

— О чем говорилось во втором сообщении?

— Дословно: «Весь трансфер реализован».

— Следовательно, следующих сигналов уже не должно было быть?

— Да. Мишка продолжал бы играть с твоим сыном, а мы бы даже не подозревали, что центральный мозг базы запрограммирован на определенную последовательность сигналов, содержащихся в других кристаллах.

— Кому все-таки были адресованы эти сообщения?

— Этого мы пока не знаем. Но не домай над этим голову. Скоро все станет известно. Миллионы людей в эту минуту заняты поисками адресата. Вся информация о нашей базе поступает в видеотронный зал.

— Я не успел просмотреть ее.

— Жаль. Все считают тебя героем, защитившим одинокую марсианскую базу от вторжения из космоса.

— Они явно преувеличивают.

— Как всегда. Не может быть и речи о нападении из космоса. Этот мишка, хоть и отличается чрезвычайно сложным устройством, все же обычный земной автомат.

— Ты уверен в этом?

— Больше чем уверен. В конструкции были частично использованы некоторые типовые схемы, производящиеся серийно для нужд астронавигации.

— Вот откуда его знания в этой области!

— Скорее всего. В этих кристаллах должен содержаться значительный объем информации, хотя их и использовали для других целей.

Я с минуту размышлял. Я не был уверен, что мне стоит спрашивать об этом, но все-таки задал вопрос:

— Скажи, Тан, каким образом он мог попасть сюда? Ведь он всего-навсего автомат.

— Ты забываешь о своем сыне, Андрей. Он провел его сюда. На этом и основывался расчет конструктора автомата. Пока еще неизвестного нам конструктора. Дьявольски хитрая уловка заключить эту систему в детскую игрушку. Очень легко увлечь маленького человека какой-нибудь игрой и с его помощью про-

никнуть в помещение центрального мозга базы. Твой сын поднимает панцирное покрытие, а игрушка несколькими точными движениями, рассчитанными специальной программой, устанавливает первый кристалл — назовем его приспособляющим. Его задачей становится подготовка незнакомого мозга, в данном случае центрального мозга нашей базы, к внесению настоящего информационного кристалла. Он должен быть принят структурой мозга так, чтобы не пропустить никаких нарушений в системе сигнализации.

— А потом?

— А потом подобным же образом устанавливается информационный кристалл, и функциональные характеристики жизнедеятельности мозга несколько видоизменяются.

В эту минуту вошел Ремо.

— Теперь нам известно, откуда у нас появился мишка, — провозгласил он.

— Кто его сотворил?

— Профессор Таропат.

— Тот самый, из Института психики автоматов? Несколько лет назад я слушал его лекции. Но сейчас ему должно быть уже около ста лет, — сказал Тан.

— Восемьдесят с небольшим. Несколько лет назад он отошел от активной научной деятельности и занимается теперь только собственной маленькой лабораторией где-то в Австралии.

— Зачем ему это понадобилось?

Ремо пожал плечами.

— Похоже, только для того, чтобы доказать, что автоматы могут представлять опасность для людей. Он твердит об этом уже много лет...